

фантастическая
история

МОСКВА, 2013

фантастическая
история

Сергей Сезин
Нарвское
шоссе

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С28

Серия основана в 2010 году
Выпуск 84

Сезин С. Ю.
С28 Нарвское шоссе: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 282 с.: ил. —
(Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1604-2

Так уж получилось, что наш современник Саша оказался в прошлом, на рубежах обороны Ленинграда. Он не стал просвещать руководство СССР о секретах атомной бомбы или демонстрировать дремавшие в нем способности диверсанта. Он все же обычный человек и потому усилил Красную Армию только собой.

Второй номер станкового пулемета честно воевал, защищая родной Ленинград, но провалиться в прошлое — это не просто выйти в соседнюю комнату и захлопнуть дверь. Шагнув туда даже против своей воли, попаданец может изменить многое. Только вот что потом случится с его жизнью? И что изменится в будущем? Лучше бы ему и не догадываться об этом...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Сезин С. Ю., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013
ISBN 978-5-9922-1604-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

К написанию этого романа автора вдохновила идея Николая Берга о попаданце в 1941 год, который попал туда неожиданно-негаданно и без готового плана изменения истории (и даже без знания этой самой истории). Поэтому автор, воспользовавшись случаем, хотел бы высказать ему свою признательность за нее.

Книг о наших современниках, попавших в 1941 год и развивших там бешеную энергию по изменению истории в нужном автору направлении, сейчас лежит на прилавках множество. Качество их... ну, всякое. Есть, конечно, и книги о наших современниках, попавших в иные времена, где они побеждают при Чемульпо, вручную ускоряют технический прогресс и иные «многие поругания творяща». Коль есть модная тема для творчества, то ее можно и осмеять, потому и родились пародии на творчество о попаданцах.

Автор тоже отдал должное обеим тенденциям. Тем не менее он хотел бы еще кое-что сказать, зная о том, что книги читает множество молодых людей, чьи познания в истории оставляют желать лучшего как в отношении знания фактов, так и в понимании движущих сил истории, а также психологии тогдашних жителей.

1. Вмешательство потомка в прошлое — это непрогнозируемый процесс, поскольку изменения прошло-

го могут дать совершенно непредсказуемый результат. И не факт, что получившаяся комбинация сделает что-то лучше в том временном периоде и не приведет к катастрофе еще через некоторое время.

Например, попав в 1812 год, он может жениться на своей прапрапрабабке и загубить свое потомство внезапно проявившейся наследственной болезнью. Или, женившись чуть удачнее, родить сына, который окажется буйным малым и вызовет на дуэль молодого Льва Толстого. И не промажет.

2. Человек из иного времени виден невооруженным глазом. А чужеродное отторгается. Оттого наш современник-студент, одетый, причесанный и разговаривающий именно как наш современник, попав в прошлое, очутится в... сами понимаете, где именно.

3. Никакое тесное знакомство с обсуждением на форумах и компьютерными играми не является поводом для продвижения попаданца к руководству. У него есть шанс, попав в некое дикое племя, быть признанным за вернувшегося бога Иттитьзаногу и стать объектом поклонения. Но не в более продвинутых обществах.

4. Поэтому, чтобы с успехом просто выжить, попаданец должен сойти за своего. То есть либо его «я» попадает в тело уже живущего предка (тогда шансы максимальные), либо попаданец объявляется в ситуации, когда окружающим не до выяснения вопроса, кто он такой и откуда реально взялся. Когда же у кого-то местного появится охота это узнать, герой уже несколько укоренится.

Но даже попав в чужую голову, желательно оставить там хоть часть сознания прежнего хозяина. Потому что если прежний владелец тела был сторонником рабства в КША, а после «подселения» стал выступать за мульт-

тикультуральное общество и равенство чернокожих и белых, то это чревато.

5. Даже скромный попаданец, тихо замаскировавшийся в уголке, может предложить нечто очень полезное, пользуясь своим послезнанием. Но большинство людей, хорошо осведомленных о состоянии промышленности и армии в прошлом, романы не пишут. Они пишут другие труды. Есть и этическая сторона дела.

Потому шибко разумный попаданец Вася, предлагая в 1933 году подрезы-локализаторы Гарца, должен как-то доказать руководству, что это изобретение не преждевременно, и как-то компенсировать урон, причиненный истинному автору идеи.

Можно продолжить и дальше, но, надеюсь, читатели уже поняли, что деятельность попаданца — это не увлекательное «переизобретение» полезных вещей годом или десятью раньше и достижение им высот карьеры, пользуясь знаниями прошлого, а сложная партия, напоминающая деятельность Штирлица в тогдашней Германии. Ибо Штирлиц, чтоб иметь допуск к секретам рейха, должен был иметь какие-то достижения на пользу рейха. То есть сначала укрепить ненавистный режим Гитлера своим вредом для противников рейха и своих же союзников, чтоб возвыситься и получить возможность использовать свое возвышение во вред уже Гитлеру. Попаданцу, желающему стать великим полководцем или великим конструктором в довоенном СССР, придется оттеснить с этого поста кого-то из реальных командармов или конструкторов и оказаться не хуже них. Попаданец, вы готовы к тому, что сначала навредите, а потом (может быть) будете полезны? А к тому, что после причинения вреда канете в небытие и так и останетесь со знаком «минус»?

Оттого попаданцы скорее вредны, чем полезны, и инициативы ряда авторов, предусмотревших для них либо скорую божью кару, либо противодействие некой специальной организации, предназначенной для борьбы с ними, заслуживают всемерного поощрения. Остановившись только в шаге от лозунга: «Хороший попаданец — мертвый попаданец», автор хотел бы сказать, что выведенный им герой и его история гораздо более реальны, нежели попавший в прошлое специалист в (нужное вписать), несущий в правой руке ноутбук со всей нужной информацией и готовый свободной левой надрать задницу всем имеющимся в наличии врагам страны. И провались завтра читатели в июль сорок первого — они будут выглядеть не лучше Саши, пусть даже если они и думают, что знают и умеют больше.

Надеюсь, что осознание этого пригодится им, если завтра, пойдя в кладовку за солеными огурцами, они внезапно окажутся в разгаре «Войны короля Филиппа» или на июльской дороге под городом Кингисеппом...

Тогда пусть смилуется над ними неизвестный мне святой, на которого возложено покровительство попаданцам...

При описании боевых действий под Кингисеппом автору пришлось столкнуться с большими сложностями, поскольку имеющаяся информация по ним далеко не полна и зачастую противоречива, и он был вынужден задействовать авторский произвол в описании темных мест тех далеких событий.

Часть, в которую попал и воюет герой, максимально приближена в описании к реально существовавшему 263-му пулеметно-артиллерийскому батальону. Авто-

ром допущены некоторые изменения в указании района действий этой части. Фамилии и биографии воинов батальона тоже не совпадают с реальными.

Во всем том, что касается службы в укрепленных районах, подробностей их устройства и истории, автор старался максимально соблюсти достоверность.

Автор приносит свою благодарность людям, оказавшим неоценимую помощь в работе над романом: В. В. Каминскому, О. В. Романовскому, Алексею Старкову, А. Седельникову, без материалов и помощи которых написание романа было бы невозможным.

Эта июльская неделя выдалась совсем непереносимой. Не, конечно, в десятом году в июле было вообще пекло, так что я даже с охотой шел на работу и с неохотой — с нее. Бывало, и задерживался на работе, чего обычно не делаю. Ну, вы поняли почему — потому что на работе в складе было прохладно, особенно в кондейке под кондером, а уйдешь — на улице парилка, а дома — вообще вешалка.

Была б возможность, тогда б кожу с себя снял. Нынешнее лето, конечно, тоже жаркое, но жара — в пределах. На открытом месте, может, мозги из ушей и потекут, но в тени дерева — очень даже ничего. А на пляже — так вообще зашибись.

Только вот с понедельника меня ни лето, ни жизнь не радовали. Я даже на подколки ребят и ругань Михалыча не реагировал, так пофигу все это было. Зря я Ире тогда про это сказал, и зря она мне сказала, что я обыкновенный козел, как все мужики, и прочее, и зря я на это повелся и ее тоже обложил... Вот теперь мы разбежались, и на душе так гадко, что даже сказать не могу как. Не получается это словами описать. Даже матерными. Нет таких слов. Ва-аще нет и быть не может.

Нажраться, что ли, хоть и жара... Надо, потому что ушибло меня капитально, и я даже на девчонок не реа-

гировал, хоть вокруг их было море, и по случаю жары товар... лицом... и не только.

Хозяин на меня орал, а я стою — и прямо его не слышу. Как будто мне кто сразу в оба уха дал по плюхе, да так, чтоб я оглох. Рот у него открывается, а что говорит — не слышу. Он на меня и недолго орал — понял, наверное, что до меня не доходит. А за что орал? А хрен его разберет! Он может и просто так — выкричится и уйдет. Думаешь — сейчас тебя к какой-то матери вышибет, а не угадываешь. После обеда придет снова — и ничего...

В общем, кое-как я дотянул до пятницы и даже сбежал с работы чуть раньше, потому что и завскладом, и Михалыч то же самое сделали. И я за ними. Нефиг стройматериалы покупать после обеда в пятницу. После обеда в пятницу праздновать надо, что рабочая неделя кончилась. Одному или с Иркою... Нет, не надо. Я с тоски попробовал водяры хлебнуть. Не идет. Сто, двести граммов... а мне все тоскливее и тоскливее. Плюнул и больше пить не стал. Наверное, водка паленая. Ну, хоть не вырвало — и то ладно.

Сестра моя, Катька, на меня смотрела-смотрела и, видимо, что-то задумала. Весь вечер на телефоне сидела, а потом мне сказала, что завтра мы на шашлыки поедем. И не под городом, а подальше, километров за сто. Ей ее девки рассказали про очень неплохое озеро, там и песчаный пляж, и вода хорошо прогревается. И лесочек хороший. А самое главное — про него мало кто знает. И поедем мы и отдыхать будем, не думая, что приедет какое-то быдло, станет рядом и включит «Черный бумер» на всю округу. Сеструха моя эту песню ненавидит. И этого самого Серегу тоже, что поет про «бу-

мер». Хотите, чтоб она вас за дерьмо считала, — спойте при ней про «бумер».

Поедет с нами Надька (это ее лучшая подруга), Витька (ее подруги хахаль) и еще одна ее знакомая. Тут она явно намекает, но у меня какое-то состояние отможенное. Я все как бы вижу, но сил реагировать нет. У меня такое раз было, когда мне из зуба нерв удаляли без укола. Я до того от боли дошел, что вот так же себя и чувствовал. Что я как бы и есть и как бы и нет меня, а все это не со мной происходит.

Я попробовал отказаться, но от Катьки не отвяжешься. В общем, не было у меня сил с ней полчаса ругаться, махнул я рукой и сказал, что поеду, но сами потом расхлебывайте. И пошел с балкона доставать мангал и шампуры.

В семь утра подъехал Витька на своем «Авео», мы с Катькой туда влезли и покатали в Катькин «Перекресток», где всего набрали, что надо. Сейчас шашлык самому даже вымачивать не надо, его уже вымоченным продают. И заготовку для окрошки — залил кефиром и жуй. Не, эту заготовку мы на озеро не взяли, это я так, для примера. А потом и Надьку забрали, а вот этот «сюрприз» с нею тоже был.

Девицу эту звали Элина, и она сильно косила под Дашу из этого сериала про дебильных пять дочек папы. Ну, под ту, что как готка одевалась. И волосы в жуткий черный цвет покрасила, и ногти тоже черные, на груди какой-то крест болтается, только как бы кверху ногами. У моего крестика, что бабушка подарила, все наоборот сделано. Фиг их знает, этих гóтов, я с ними никогда не тусовался и не в курсе, что это значит. Может, знак «Ищу парня» или что еще...

Наверное, Катька рассчитывала, что я на Элину клюну и от тяжелого состояния отвлекусь, но мне все было по барабану. Так что Элина меня только насильно могла заставить к ней внимание проявить, настолько мне все фиолетово было. Она это, видать, поняла и стала больше с девчонками общаться. Язык у нее хорошо подвешен, и чесала она им прям без остановки про разные колдовские дела. Я все это слушал вполуха, уголь в мангал сыпал, потом разжигал, палатку ставил, девкам волейбольный мяч накачивал...

Народ пошел купаться, а я зашел в воду по колено, постоял и... вернулся на берег. Зря я сюда приехал, кислой рожею людям праздник порчу. Но Катьке фиг что докажешь, когда ей вожжа под мантию попадет. Это только мать с отцом могли, и то подзатыльник требовался.

Искупались, шашлык пожарили, и пошел он под пиво. Я с Витькой переговорил, кто завтра обратно машину поведет, и он сказал, что литром пива ограничится, чтоб завтра выхлопа не было. Ну, тогда я сегодня по пиву выступлю.

И выступил. Лилось оно в меня как в канализационную трубу и не брало совершенно. Закусывал я не сильно, только помидорчики черри подъедал да шашлык, а пиво шло и шло. И не брало никак.

Катька с Надькой на меня искоса поглядывали, потом увидели, что я лежу, хлебаю, никому голову не откручиваю, на вопросы отвечаю, соль передаю, и перестали коситься. А меня малость отпустить начало. Как будто корка на душе стала трескаться и слазить, оттого давить меньше. Я еще добавил.

Ничего так.

А потом пошел отлить, тут меня и пробрало. До кустов дошел, хотя кидало меня не по-детски, а вот обратно не дотянул. Ноги подкосились, сел я, а потом лечь захотел. В глазах все вертелось: звезды, луна, силуэты девок на фоне костра. И начали потом глаза слипаться. Я их еле разодрал, разглядел, что у костра остались только Катька с Элей, а Надька, видать, пошла в кусты со своим хахалем. А потом глаза надежно слиплись. Но слух еще работал. Эля что-то рассказывала про черную свечу из сала мертвеца, что ей можно разную хрень делать, особенно если мертвец — висельник. Потом что-то: «бу-бу-бу», потом опять — «рука мертвеца», и снова бубнят... Ладно, сдалась мне эта «рука мертвеца» и нога его — еще больше... Так я и заснул. Сквозь сон чувствовал, что кто-то меня накрыл покрывалом. Сеструха, наверное, чтоб ночью не замерз. А то будет тогда из кого свечку сделать... На этой оптимистической ноте я и совсем заснул.

А проснулся — мама дорогая, это... финиш какой-то. И на кой демон я так набухался? Во рту будто все кошки округи нагадили и собаки вместе с ними. Глаза оплыли, аж смотреть больно. Голова болит, как будто на нее шапку боли насадили, и везде под той шапкой болит. Тело — как будто меня всей кодлой пинали, а я после очнулся. Захотел встать — и на задницу обратно сел. Отлить так хочется, что болит там не хуже головы.

Развернул морду в другую сторону от кустов... и обмер. Пусто на берегу. Ни «жестянки» Витькиной, ни палатки, ни девок, ни костра, ни шмоток. Один я, и банка пива возле ног валяется. Даже покрывала нет, которым меня ночью сеструха укутала.

Мама дорогая, это ж пипец — и не просто пипец, а прямо «дайте два»! Неужто они так взяли и уехали, меня бросив на берегу? Не, не может так быть. Сеструха у меня нормальная, и Надька тоже. Не могут они так, по приколу, кого-то бросить и укатить в Питер. А он в одних штанах и вьетнамках пусть пехом чешет. Про эту готку ничего не скажу. Вроде тоже ничего. Витька у себя на автосервисе — жук жуком. Но разводит только клиентов, вне СТО он — парень честный.

Но так сделать — это верх свинства. А рубашка моя им на кой потребовалась? Я ж ее на этот куст вешал! Мож, хлебнуть малость для опохмеления? Михалыч рассказывал, что утром после хорошей пьянки вообще голимый пипец бывает, и тут самое главное — вовремя похмелиться. Не похмелишься — ва-аще труба.

Бывший сосед дед Федор говорил, что важно — и чем похмеляешься. Будешь после «Солнцадара» «сахарем» поправляться — еще хуже будет. Надо тем же, что бухал. Ну, дед Федор — алкаш зачетный, он даже в ЛТП сидел; знает, что говорит.

Оторвал я кольцо и отхлебнул. Как было паскудно — так и осталось. Не пошло. Даже курить захотелось, хоть бросил я год назад, и до того курить даже по пьяни не тянуло. Пойду к воде. Еле доковылял до нее, нагнулся, воды на лицо бросил. Полегчало чуток. Еще полил, потом воды попил, потом еще. Понемногу отпустило. Разогнулся я, глянул — и удивился. А озеро что — не то? Островок на нем появился, и вот: впереди, шагах в десяти — из воды валун торчит. А не было еще этого вчера. А...

Мама дорогая, это лютый какой-то пипец! Как такое быть может? Лег набухавшийся чел у одного озера, а проснулся у другого... Во сне ушел, что ли, как луна-

тик из американского фильма? Или я ночью встал, добавил и пошел еще куда-то? А сейчас не помню, что добавил и что пошел?

Повернулся к месту стоянки и снова обмер — никого снова нету: ни вещей, ни людей, ни машины, только из песка торчит черная почти сгоревшая свеча.

Тут я не выдержал троекратного кошмара и прямо в штаны отлил. Чтоб мало не показалось.

Ну, в общем, просидел я у озера все утро, штаны простирал, они на кустах и высохли. Пить хотелось страшно, но голова все-таки отошла. И стал я кое-как соображать.

И все же сообразил: что бы со мной ни случилось — идиотская шутка, гребаное готское колдовство, НЛО прилетел или лунатизм пробил, — а отсюда надо литься. Нехрен ждать на бережку, что из вод выйдет дядька Черномор и рубашку вернет, а с дуба кот ученый спустится и отправит меня в родную хрущевку. Идти надо к людям и как-то из этого лютого писеца выбираться.

Натянул я высохшие штаны, обул вьетнамки, карманы проверил — а там одна жвачка лежит и салфетка бумажная. Часов нет, но вроде как ближе к полудню подходит. «Нокия» в кармане рубашки осталась. И пошел я туда, где деревья были пореже и вроде как дальний гул доносился. Видно, там дорога проходит. Может, Бог надо мной сжалится за такой утренний фейл, и окажусь я совсем недалеко от Питера, а не под Псковом или Новгородом...

Вышел я вскоре к хорошо накатанной грунтовке. И справа до меня стал докатываться недалшний басовитый гул. Ага, сейчас подъедут — и проголосую. А что ж

такое басовито гудящее едет? Неужто какой-то тяжелый бульдозер или карьерный самосвал?

Нет, то не самосвал был, и он даже не ехал. А летел. Прошел низко над дорогой и даже в трех лицах. Три самолета с черно-белыми крестами на крыльях. Видал я такие в игрушках про войну — немецкие бомбардировщики, только не помню, как точно называются.

Неужто это и есть та самая «белочка», которую все «синяки» боятся до смерти? Вот и меня накрыло, это в двадцать два-то года!.. Берите меня, санитары, ведите и везите. Можно и без смирительной рубашки, я и сам пойду без сопротивления. Куда хотите пойду, лишь бы мне дали чего-то такого, чтоб этого не видеть. Чтоб крыша дальше не ехала.

Вот долбаная готка. Довыдергивалась со своими колдовством, а я теперь хрен знает где, хрен знает когда и вообще на шаг от психушки. Доразвлекалась!

Вот выйдет сейчас из-за поворота немец, скажет мне: «Хенде хох!» А что я ему отвечу? «Тейк дзе даста, клин дзе блэкборд!» Это все, что я из английского помню, что в школе учил. Поговорим, называется! Одна надежда — немец тоже с ума сойдет, увидев меня в тапочках и шортах да с опухшей мордой. И пойдём мы вместе сдаваться в больницу.

Так я брел вдоль дороги, сам с собой разговаривая и ожидая, что рыжая белочка во плоти явится, на плечо сядет и с собой уведет. А куда? В нирвану, к Кобейну, однако.

А еще куда она может увести? В городе я б знал куда, а есть ли больница, где психов лечат, здесь, поблизости от дороги? Хрена с два. Говорили мне некоторые откосившие от армии ребята, которые психическую статью юзали, что это только в больших городах бывают боль-

шие психбольницы, а в Питере и Москве — даже не одна. Народа больше, и психов оттого тоже больше. А в области — одна больница, и она обычно в губернском городе, на окраине. Поэтому, если у кого-то в Ломоносове или Шлиссельбурге крыша поедет, повезут его в область. А если у псковского деревенского крыша тронется, то в Псков должны везти. А кстати, какие в Псковской области города есть, кроме областного? Я и не знаю. Октябрьск какой-нибудь должен быть или Советск. Не, уже переименовать должны были. Медведев же со сталинизмом бороться стал, так что вспомнят, что Советск раньше Мышегребовом звался — и восстановят исконное название. Как в Питере восстановили, а в области — нет.

А мне пофигу вообще-то, только Ленинград короче писать, чем Санкт-Петербург.

Ноги уже малость уставать начали, но еще ничего. Пить только хочется. А в воздухе какой-то гадкий запах появился. Немного похоже на горелую пластмассу, только не всякую, а ту, что мы с химзавода таскали и жгли, она еще так интересно постреливала искрами. Потом завод закрыли, а еще позже — снесли. Теперь там технопарк какой-то, а что это означает? Не знаю, но на парк, где гуляет народ, не похоже. Нет ни клумб, ни лавочек, и каруселей — тоже. И пивных не найдешь.

Запах стал сильнее, даже глаза слезиться от него начали. И дымом стало тянуть, от горелых бензина и резины. А что там гореть может? Дорога-то сейчас идет по насыпи, а столбиков по бокам нет. Наверное, кто-то слетел на машине с нее, вот сейчас его машина и воняет горелым. Вообще в американских фильмах машины горят — аж будь здоров, да еще и взрываются. У нас такое совсем редко происходит, но увидеть можно. Вот

как с такой насыпи сковырнешься и раза три на крышу станешь — так вполне. Наверное, американские машины бензин более дорогой юзают, он и легче горит, чем наш А-92.

Мля, ну тут и дорога! То, что она без асфальта, понятно: не Невский проспект тут, но чтоб такая круглая яма посреди дороги была, а потом еще и другая?.. Да что, здесь весь бюджет попилили на фиг, что такие ямищи на дороге никто хоть гранпылью не засыплет? Тут ведь хрен проедешь даже на «газели»! А «бычок» ва-аще в яму завалится!

Оп-па, а это не попил! А из ямы-то вот этой гадостью горелой и воняет. То есть яма свежая, ну разве что вчерашняя. Здесь воздуха много, долго вонять не будет. Все ветром разнесет. Мама дорогая, кажись, «белочка» возвращается! Это ж не яма, а, наверное, воронка от бомбы или чего-то такого! Мля, где тут ближайшая дурка и санитар со шприцом? Если не все лекарства попилили, пусть мне чуток уколуют, чтоб этого я не видел.

Ни воронки, ни вот той машины кверху колесами, ни двух убитых. Потому что если это мне не белочка всю картину нагоняет пушистым хвостиком, то это правда, что я попал в «куда-то» и в «когда-то». А куда и когда — хрен я знаю. Держите меня семеро, вяжите и ложите, можно даже клизму поставить, лишь бы эта хрень из глаз исчезла. Но я ближе и ближе подхожу, а хрень «белочкина» из глаз не уходит, даже если их зажмурить и вновь открыть. Это тоже дед Федор говорил, что так можно разобрать после большой буханины, кто перед тобой — друган с опухшей с перепоею мордой или уже она самая.

Машинка какая-то маленькая, с «Жука», наверное, только бронированная, фары — прям как уши у плюшевого медведя. И башенка есть. Только лежит она на боку, на откосе насыпи, и из-под капота пламя выбивается и колесо лижет. Говорили мне умные люди, что когда машина горит, то лучше к ней не подходить, а если ты в ней — быстрее сваливать. Потому что никто не знает, когда рвануть может. И не пойду туда. Я лучше к покойникам подойду да погляжу и потрогаю, что они на самом деле есть, а не пройдет через них рука, как сквозь дым. Не, уже мертвые, жилка на шее у обоих не бьется. Да и неудивительно: у обоих столько рваных дырок в теле с уже засохшей вокруг кровью. А еще есть две винтовки, одна, правда, чем-то перебита, остался только маленький деревянный мостик между двумя половинками, и тот хлябает.

Не, не «белочка», лютый писец — однозначно и без вариантов. Занесло меня куда-то, надо брать небитую винтовку и валить подальше.

Стоп! Не хрен лошадей гнать, подумать надо. Вот иду я по дороге в одних бермудах, или как их там точно называют, и тапочках. В карманах одна бумажка. На штанах какая-то хренова надпись по-китайски, но английскими буквами. Говорю по-русски. Натыкаюсь я на немцев — сразу по мне стрелять не будут, я щас даже для девок не опасен, а для них — тем более. Попытаются говорить — и плюнут, потому что друг друга не пойдем.

Ежели я к ним с винтовкой выйду — проще застрелить меня, чем разбираться, кто это и зачем он.

Выхожу, к примеру, на своих. Вылезает к ним такой тип с опухшей мордой, но с винтовкой, а на штанах что-то иностранное. То ли немец какой-то осо-

бенный, то ли шпион. Хоть то, хоть это — хреновое меня ожидает.

А выйду без винтовки к ним — могут и поговорить, и разобраться. Вот как-то мы с пацанами за пивасиком обсуждали: хорошо ли будет, если пистолеты разрешат всем. Пацанам в основном показалось, что хорошо, а Сашка Лысый, что в Чечне в десанте воевал, сказал так: покойников будет оттого больше. Вот, говорит, сейчас у нас ничего в карманах нет, потому ежели кто-то борзо со мной поговорит, что я ему сделаю? В морду дам, и все. Походит он с фингалом и тише вести себя будет. А вот если разрешить, то он, в морду получив, пистоль из кармана потянет. Вот тогда мне его валить по-серьезному надо, потому что жить я хочу. Может, меня за это и не посадят, но труп будет. А хватило бы и в морду.

Сашка вообще редко говорит, и всегда по делу, так что народ чуть призадумался. А вот сейчас самое то, что он сказал. В человека с винтовкой на войне сразу стрелять будут. А в безоружного, да еще почти голого, могут и не стрельнуть. Потому пусть винтовка и лежит на травке. Пусть ее подбирает, кто в них разбирается. Я в кино видел, что там нужно рукояткой дергать и стрелять, ну и все. А как в нее патроны вставляются — точно не знаю. В «калашников» — знаю, в «сайгу» — знаю, в «ижевку» — тоже. Тут нет. Ну на кой мне берданка, от которой только проблемы, а больше ничего?

Потому ее не трогаю, патроны в сумках на поясе — тоже. И вот эти бутылкообразные гранаты в сумке тоже пусть полежат. Еще подорвешься сам на них... Мешков у обоих мертвых не было, а у одного была на поясе сумка, где котелок лежал и полбуханки хлеба. Вот хлебушек-то и возьму. И вот эту стеклянную флягу в чехле, а

то пить уже вусмерть охота. Вторую флягу осколком побило.

Еще в карманах нашел я перочинный ножичек и в пилотке две иголки с нитками торчали. Вот все это я тоже взял. Ножик у меня и свой такой может быть и иголка. Хлеб тоже. А фляжку я мог и подобрать, если кто ее потерял. Неплохо бы переобуться, но ботинки у покойников на меня бы не налезли — я прикинул. Ну разве что ногу в них насильно вбить. И как потом идти куда?

Собрал я все, что собрал — и дернул с дороги подальше. Сяду, хлеба пожую, водички попью, подумаю, что дальше делать буду. А подумать надо. Это уже не «белочка», это уже война. Прямо-таки кара господня на меня свалилась. Говорила мне бабуля — не ленись, не забывай Бога, хоть разок в год в церковь сходи да свечку поставь. Кто Бога забывает, того Бог тоже забудет, на радость черту. Вот я и доленился, а теперь куда меня из-за чертовой готки закинуло...

Дорога вправо дугой уходила, а я от нее ушел на поле. Прошел сквозь рожь и устроился на небольшом холмике среди нее. На холмике росли два деревца и несколько кустов, так что мне там хорошо было — и в тени, и не видно меня с дороги. Правда, и мне дорогу плохо видно, но если кто-то с нее в мою сторону пойдет, то замечу. Так что я прилег, вытянул натруженные ноги и полежал немного. Ко всему прочему у меня спина и шея обгорели. Смазать нечем, потому придется терпеть. Достал хлеб из левого кармана штанов (я его разломил, чтоб в карманы поместился), поел, запивая водичкой из фляги. Хлеб был каким-то непривычным. Сейчас такой не пекут, кисловатый. Но я жевал. Есть хотелось, значит, бодун преодолевается. Дожевал.

Вроде как-то слева в животе поднывать стало. Ноги болели, болела спина, обгоревшая за день, голова, правда, уже почти отошла.

Хотелось спать, но я крепился, ибо надо было думать. Куда мне деться? И где я сам?

По вопросу «Где я сам?» мозги мои с изрядным скрипом выдали, что я где-то на дороге летом 1941 года. Почему? А потому что на гимнастерках убитых погон не было, а были петлицы. Погоны появились вроде как через год. Ну, тут я точно не помню, но первое время воевали без погон. Оп-па, вспомнил! Видел я у Вовки Рыжего на компе отрывок из фильма Бондарчука про Сталинград, так там еще в петлицах, а не в погонах. Точно! В кино врать не будут!

Время — ну где-то июль или август. Обычное такое жаркое лето. А где я сам? Природа вроде на околопитерскую похожа, хотя места мне не знакомы. Теперь крепко подумаем еще раз. Докуда немцы дошли? До Питера, еще и блокада была. Она уже осенью и зимою случилась, это я точно помню. Много людей про это говорило.

Еще немцы почти до Москвы дошли. Но к зиме. Я в паре фильмов по телику видел, как под Москвой войну зимой показывают. Под Москвой я не бывал, не знаю, похожи ли там места или нет. Еще немцы на юге наступали и до Сталинграда дошли, но тоже к зиме. Но вроде у Бондарчука под Сталинградом в кино сплошная степь без леса. Значит, не там.

Получается, что я либо на Питер иду по дороге, либо на Москву. Ну, не вообще, а вообще... Тьфу, я как-то запутался. Ну ясно, по дороге я могу идти и конкретно в деревню Гузноноевку, но при этом общее на-

правление у меня еще и на Москву или на Питер. Или из них? Ладно, проехали.

Если к Москве и Питеру немцы пришли осенью и даже зимой, то можно посчитать, что сейчас они посередке между границей и Москвой или Питером.

Блин, а где тогда граница проходила? Вроде тогда Белоруссия не отдельно от нас была?

А, вспомнил, мне кто-то говорил, что раньше Эстония тоже была самостоятельная и Латвия с ней. Но перед войной их присоединили к нам. Точно! Когда мне лет десять было, как раз стукнуло 60 лет с того события, и по телику шла передача, как их присоединили, а потом латышей с эстонцами сажать стали в лагеря. Я еще запомнил, что на передаче был старый человек, он сказал, что это было никакое не насильственное присоединение, он помнит, как все люди в Риге веселились и наших солдат цветами одарили. Ну, на него зашикали, дескать, он сталинист и оправдывает преступления кровавого режима.

Я еще батяню спросил, правду ли дед этот в телевизоре говорил, а батяня был смурной после ночной смены и сказал, что в Прибалтике вообще не народ, а дерьмо, с них станется сегодня цветами встречать, а завтра вслед дерьмом же кидаться.

А теперешняя граница с Эстонией — за Псковом, а чуть дальше — и с Латвией. Ребята говорили, что хоть Латвия, хоть Эстония — всего ничего в ширину, так что я и считать их не буду. Значит, я где-то посередке между Псковом и Питером. То есть получается — у Луги. А если я не под Питером, тогда и не скажу где.

Ладно, фиг с ним, будем считать для простоты, что у Луги.

А дальше что? Вот прохожу я еще пару километров, выходит навстречу мне энкавэдэшник с пистолетом и говорит: «Стой, предъяви документы!» Прямо как наш сторож, только тот без пистолета. Те, кто только устроились, с испугом начинают пропуск искать, а те, кто здесь уже давно, посылают сторожа и дальше идут. НКВД не пошлешь, как деда Семена, надо что-то придумывать.

Ну, документов у меня нет. Далеко лежат, отсюда не видать. Ладно, кто такой? Ну, я назовусь. Где живешь? В Санкт-Петербурге, который в Ленинградской области. Оп-па!

Дальше можно не говорить. Шпион, однозначно. Выучил новое название области, а город зовет по старому названию. И штаны с китайской надписью. Именем Берии — расстрелять! Или кого еще там именем? Конторовича? Нет, Кагановича! Конторович — это какой-то писатель, что книги пишет, про моряков, наверное, «Черные бушлаты» называется. Надькин ха-халь его в прошлую поездку начал читать, но потом Надька его отвлекла... Значит, чьим-то именем и пристрелят меня. Прилетел, блин, из-за этой тупой готической пелотки, чтоб меня расстреляли тут же!

Не, не отвлекайся, думай давай! Ну ладно, отвечу я правильно, что из Ленинграда, и улицу назову. Отца с матерью назову. Улицу тоже... А вот была ли она до войны? Не знаю наверняка. Нашего дома точно не было, потому что хрущевка. А мне рассказывал кто-то из стариков, что когда народ в них вселялся, то аж остолбеневал от комфорта. Сейчас-то... Но все равно, улица не то была до войны, не то нет, а дом — тоже не знаю, как лучше сказать. Этого, наверное, все же не было, а был ли на его месте другой? Худо. Не прокатит.

Отчего я не в армии? Ну, есть у меня и правда такая болезнь, как астигматизм. Это такое заболевание, что вижу я не очень хорошо. Мне очки бы надо носить, чтоб далеко видеть, но я ни за что «вторые глаза» не надену! Чтоб парень в очках ходил — да лучше утопиться! Чтоб считали тебя задохликом и маменькиным сыночком?..

Ладно, очки у меня были, оттого я не служу, а их я потерял. А зачем я здесь, под Лугой? Что я здесь делаю, если не шпионю?

Ну, скажу я, что работаю на складе стройматериалов. А что мне надо тогда у Луги? Не берут воевать, так надо сидеть в Питере, то есть в Ленинграде, и кирпичи разгружать или гвозди там. Изогипса и сатенгипса тогда, наверное, не было, но кирпич был, и склады на него быть должны.

И обои. Наверное. Ну, дерево — то точно было. Не решает тут дело это. Никак не объяснишь, что я здесь делаю. А про шашлыки и готку говорить не надо. Задницей чую, лишнее это.

Ну дальше спросят меня — сколько стоит в магазине буханка хлеба? Или картошка? А что я скажу? Спрошу: они «Ашан» имели в виду или «Перекресток»? Расстрелять!

Блин, придумал!

Я ж вспомнил, что наши в сороковом году Латвию заняли! А вдруг я оттуда? Ну, русские ж там жили, пока ее снова не заняли? Жили, вон тот дед, на которого в телике ругались, жил же там. Во, это решение! Отчего я тут? От немцев из Риги драпаю! А почему сюда попал! А вот сел я с директором на грузовик, погрузили мы туда деньги и разные документы и поехали подальше от немцев. Кирпичи-то не увезешь... Почему я поехал? А

потому что русский! Мне с немцами общаться не хочется, это местные латыши такие, как отец сказал. Они вчера цветы кидали, а сегодня могут навозом кинуть, а могут и гранату. Класс!

И про свой склад и прежнюю работу я могу все без запинок рассказать. Ибо капитализм сейчас дикий и тогда дикий был. Так что я расскажу, как хозяин девок на работу брал через постель, как нас он сначала устроил без трудовой, чтоб налоги не платить, а зарплату из кармана доставал. А мог и не из того кармана достать. В котором меньше лежит, чем договаривались.

Если я чего такого сболтну незнакомого, как супермаркет (мать говорила, что при Союзе такого слова не было), то скажу, что это такое рижское понятие. А что, мне нравится. Спросят, как винтовку заряжать? А откуда мне знать, нам, русским, латышская власть не доверяла, вдруг мы на сторону советских перейдем!

Зашибись, классно придумал! А чего я такой неодетый? Немцы бомбили! И меня с грузовика взрывом сшибло. Во, до сих пор морда опухшая и голова болит. А одежда? Ну, что осталось, то и надел. Остальное вообще ни на что не годится. А отчего надпись? А я знаю? Может, это шведское, а может, английское? Что дешевле было, то и купил. Когда денег мало, хоть турецкое, хоть китайское купишь и рад тому будешь.

Ну ладно, полежал и полежал, надо тело подымать и дальше идти. Только идти где-то сбоку от дороги или по ее обочине, чтоб в случае чего с нее быстро спрыгнуть. А куда я иду? То есть вот я сейчас иду вперед, а может, мне нужно идти туда, откуда я иду? Вдруг я сейчас на Псков иду, а мне нужно на Питер, и для того назад идти надо? Хрен его поймешь.

Стоп, а куда та наша бронемашинка носом развернута была? В поле. Ведь ее с дороги сбросило, а тут фиг поймешь, куда она ехала перед тем. Немецкие самолеты куда летели? Ну, туда, куда я сейчас тащусь. Но опять, как просечь — это они бомбить полетели — или к себе домой?

Ни хрена не поймешь. Совершенно и однозначно.

В общем, иду я куда шел, ведь встретиться мне что-то должно: или деревня, или указатель поворота, или люди. Кто-то скажет, где я и куда я. Без этого никак. Навигатора у меня нету, чтоб сказать, что я уже проехал мимо нужного поворота...

Но прошел я недалеко. В животе забурлило, и вчерашний шашлык стал проситься наружу. Хлебушек-то хорошо сработал, в верном направлении. Блин, а сколько я это вчера сожрал? Откуда это во мне столько поместилось и все не кончается и не кончается? Как говорила Надька, глядя на обделавшегося котенка: «Сколько же дерьма помещается в этом маленьком тельце? Ни за что бы не подумала, что столько может!»

Так и со мной. В будущем году здесь все расти как на дрожжах будет. А я — аж ослаб от большой разгрузки. Отошел и посидел уже не орлом, а по-обычному.

Отдохнул и пошел. Вышел на обочину и двинул дальше. Тут дорога липами обсаженная, поэтому иду, маневрируя со стороны на сторону, чтоб в теньке оказаться. А сколько мне идти? Это фиг его знает. Но думаю, что вряд ли такое может быть, чтоб километров двадцать пройти и ничего не было. Ни деревни, ни села, ни прохожего, ни проезжего. А сколько я уже прошел? Не знаю, ногам-то больно, значит, уже не одну автобусную остановку прошел. Ну, эти двадцать километров таки кончатся. Или сегодня вечером, или завтра утром. Ведь не буду ж я по кольцевой развязке ходить и ждать, когда это кольцо

кончится? Что-то да и будет. А пока этого нет, надо дальше подумать. Вот пойду и головой тем временем работать буду. Откуда я здесь взялся и как — это я уже придумал, только с энкавэдэшниками, как с ментами, разговаривать надо — без подробностей. Двумя словами. Чтоб не проболтаться про ненужное.

Про год рождения не говорить, чтоб не ляпнуть, а говорить, что двадцать два года и три (или четыре) месяца. Дальше как быть? Вот, я про себя рассказал, они сделали вид, что поверили, а куда потом? В Питер идти? В блокаду? Как-то не очень хочется. И есть другая засада — в деревне Зуево мои выдумки могут за правду сойти, ибо кто там найдет человека из Риги, который поймет, что я вру? А вот в самом Ленинграде — запросто. А дальше — чего ты врешь, скотина? Ты шпион или кто? Или кто, конечно; только ведь не поверят, что я упился и проснулся уже тут.

Значит, надо как-то на войне остаться. Засада тут только с моим астигматизмом. Ну тут, наверное, скажу, что у меня чего-то с глазами, потому меня и пока не призвали, должны были направить на обследование, но тут война началась, и все ушли. А белого билета не дали. И вообще-то я не зоркий сокол, но вижу терпимо. Танк, наверное, замечу. Да и если проситься не в снайперы, а в саперы, то там, наверное, по фигу мое зрение. А в строительном деле я немного волоку: и на складе работал, и с батеи шабашками занимался: гараж построить, сарай отремонтировать на даче, забор поставить. Я не такой дока в этом деле, как покойный батя, но не полный нуль.

Вот по военному делу — нуль однозначный, так что продолжаю рассказывать, что меня латыши в армию не брали, ибо кровь у меня не такая, и не блондин, да и

там, наверное, не то оружие, что у Советской армии было. Или тогда она Красной армией называлась? Не помню, ну ладно. Или в обоз. Да и склады в армии какие-то быть должны, не все же солдаты на себе таскают. Говорили служившие ребята, что они бывали на складах и в части, и в округе, а там вообще чего только нет. Ну я и представляю, что если даже солдат только «Дошираком» кормить, и то, чтоб им запас на пару дней сложить на дивизию, нехилое здание нужно.

Вот так и надо, в саперы проситься. Ты как бы и при деле, и не в тыл рвешься. А, я даже знаю мужика, какой в саперах служил! Это ж батянин кореш, дядя Петя, что в третьем подъезде жил!

Они с батяней, когда сидели за пузырем, про многое рассказывали друг другу. Батя-то в ракетчиках служил, про это сейчас нечего рассказывать. А вот что там дядь Петя рассказывал?

Они котлованы рыли на учениях, у них какая-то машина для этого была. Дороги исправляли бульдозером и еще чем-то. Мины ставили-снимали, но это не сам дядя Петя, а их другой взвод. Еще и ремонты в казарме делали, мостики ремонтировали и переправы строили. Когда для себя, а когда колхозу. А им от щедрот колхозных — мяса в котел, да и девки колхозные вокруг были...

А, они еще мишени для стрельб делали, чтоб потом их на стрельбах раздолбали снарядами.

Дядь Петя говорил, что он после службы по стройкам Сибири помотался и все умел, потому что на службе и то узнал, и это. Хошь на пилораме, хошь на бульдозере, хошь топором что сделать.

Дедовщины у них не было. Потому что серьезным делом занимались, а не дурью маялись, и времени на

дурь не было. Так он говорил. Ну, вроде как и тутошные саперы должны серьезным делом заниматься. Так что и я не против серьезного дела. Вот только насчет мин я не знаю ничего. Тогда надо тоже в другой взвод проситься, который мины не ставит.

Так я и шел до сумерек, когда ноги совсем не устали и понял, что пора уже лечь и отдохнуть. Ноги-то совсем не того. Интересно, сколько я протопал-то?

Нашел пару невысоких, но разлапистых елочек, под нижними ветками одной из которых и решил прилечь. Вдруг ночью мне на радость дождик пойдет. С другой елки в темпе ободрал мягких веток, чтоб не на голую землю лечь, и залег. Перед сном кусочек хлеба отломил и сжевал, да из фляги отхлебнул. «Ложусь на новом месте, приснись жених невесте», как мать раньше говорила, когда мы где-то не дома ночевали.

Но невеста не приснилась. Сон был какой-то прерывистый и страшный, что-то я такое жуткое и опасное видел, отчего просыпался и спешно отбегал отлить лишнее. Потом снова ложился, и снова меня что-то будило. То сон, то какие-то букашки, гуляющие по моей обгорелой спине, то гад-филин орать что-то начал. Огрызок летающий, чтоб у тебя запор случился, и ты от перегрузки взлететь не смог! В общем, уснул я спокойно только под утро, а до этого не столько спал, сколько маялся.

Авторский комментарий

Но не спал не только он в перелеске юго-восточнее Кингисеппа, не спали еще многие другие.

И не спал также товарищ Сталин.